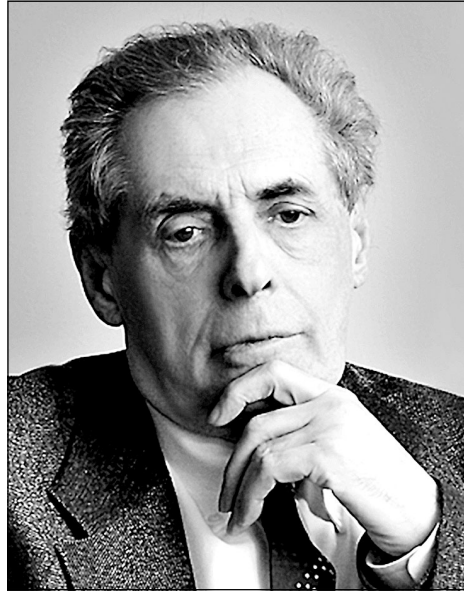

Академик Иосиф ГИТЕЛЬЗОН: «Науку движет неугасаемое любопытство»

Известный не только в стране, но и во всем мире красноярский ученый-биофизик, академик **Иосиф ГИТЕЛЬЗОН** — это человек-эпоха. Мы можем гордиться тем, что являемся его современниками. Он работал с такими выдающимися личностями, как Леонид Киренский и Сергей Королев. Был свидетелем самых ярких событий в советской науке, стоял у истоков красноярского Академгородка...

— Иосиф Исаевич, мы с вами беседуем за пару месяцев до юбилея Красноярского края: 7 декабря исполняется 80 лет со дня его образования. Становление красноярской науки происходило на ваших глазах. Поэтому давайте попробуем сделать наше интервью с уклоном в историю. Расскажите, как вы попали в Красноярск?
— Это было после войны, зимой 1946 года. До этого мы жили в Москве. Мой отец был врачом, и после демобилизации ему предложили заведовать кафедрой в Красноярском медицинском институте. Так мы переехали в Сибирь, мне было 17 лет.

Поступил здесь в медицинский, по семейной традиции. Одновременно учился заочно на биофаке МГУ. Вы, наверное, знаете, что мединститут в Красноярске был создан во время войны, сюда эвакуировали два ленинградских института и воронежский. Приехали первоклассные клиницисты-профессора, которые дали нашему меду хороший заряд, заложили традиции сразу, сделали его сильным вузом. Учиться здесь было не хуже, чем в столицах. Физику в мединституте нам преподавал **Леонид Васильевич Киренский**. А я слушал ее и на физфаке МГУ. Так вот, Киренский читал гораздо лучше, чем московский профессор.

— Помните свои первые впечатления, когда вышли с поезда на красноярском вокзале?

— Был конец декабря, морозы в ту зиму стояли за 50 и держались они недели две. Город в морозной мгле показался серым, неуютным. Котельные были отдельные, чуть не в каждом доме, и отапливались они углем, над городом стоял дым. Центральные улицы уже при мне закатывали асфальтом пленные японцы...

А потом пришло лето, и оно было прекрасным, я увидел сибирскую природу, тайгу. Каждый год заново поражаюсь: как за наше короткое лето все так расцветает и вырастает.

Вся моя дальнейшая жизнь прошла в Красноярске. Хотя весь мир объездил, побывал на всех материках, кроме Антарктиды, да и к ней подходил, когда работал на научно-исследовательских судах, был и на Северном полюсе. Видел самые роскошные уголки Земли — Гавайские острова, Таити. Конечно, тропическая природа великолепна, но наша перед ней не поблдевала. И дело не только в природе, но и в людях. В сибиряках меньше суетности, чем в столичных жителях, они надежны, с ними можно уверенно работать и дружить. Когда-то меня звали в Москву, да и за границу мог уехать, но у меня не было даже колебаний на эту тему, так хорошо все складывалось в Красноярске.

— Когда вы стали заниматься наукой?

— На четвертом курсе мединститута мне довелось начать работу с **Иваном Александровичем Терсковым**. Будущий академик был тогда ассистентом на кафедре физики у Л. В. Киренского. Мы с ним стали изучать кровь человека. Я никогда не был клиническим, врачебная моя деятельность заключалась в гематологии. И до самой смерти Терскова в 1989 году мы проработали вместе — в Институте физики, потом — биофизики.

— Что собой представляло тогда научное сообщество Красноярска?

— В начале 50-х все высшее образование, вся наука были сосредоточены в двух коренных вузах — пединституте, еще довоенном, и в лесотехническом институте, который потом стал технологическим. Не считая мединститута, который был «привозным». Они выпускали хороших учителей, лесников. Но академической наукой там, по сути, никто не занимался. Фундаментальную науку зародил в Красноярске Леонид Васильевич Киренский. В подвале пединститута, в старом корпусе, он создал первую лабораторию магнетизма. Собрал молодых учеников, тех, из которых потом сложился красноярский академический центр. Если в Новосибирске весь Академгородок приезжий — туда прибыло несколько крупных ученых во главе с Лаврентьевым, то в Красноярске научное сообщество создавалось из местных кадров, кроме института леса, который был эвакуирован к нам из Москвы по приказу Хрущева. Но в его приезде тоже большую роль сыграл Киренский — через крайком он обеспечил институту прекрасное здание в центре города.

— Кстати, как в советские годы складывались отношения ученых с партийным руководством края?

— Все наши проблемы решались быстро, партия уважительно относилась к науке, понимая ее ведущую роль в развитии общества, наука поддерживалась на самом высоком уровне. Работалось нам тогда хорошо, интересно — днем, ночью, со временем не считались.

Я помню нескольких первых секретарей крайкома: **Аверкий Борисович Аристов**, **Павел Стефанович Федирко**, это были заметные фигуры, они нам очень помогали. Особенно хорошо запомнился **Владимир Иванович Долгих**. Он интересовался нашей работой и даже завел в крайкоме традицию научных чтений. Я читал там лекции. И Долгих задавал очень серьезные вопросы, даже и не из своей области, он был по образованию металлург.

Киренский сумел создать в крайкоме традицию высокого уважения к науке. И нам всегда шли навстречу, выделяли под

лаборатории и кабинеты лучшие здания в городе. Красноярский Академгородок тоже появился при действенной поддержке В. И. Долгих и П. С. Федирко.

— Знаю, что наш Институт физики был открыт за полгода до создания Сибирского отделения Российской академии наук в Новосибирске...

— Да. И опять же — благодаря Киренскому. Леонид Васильевич был уже известным магнитологом, имел свою школу, хотя был тогда еще совсем молодым профессором. Большинство ученых рассуждало бы так: вот моя область, я этим занимаюсь, есть прекрасная возможность развивать «свое»... И он мог просто сделать институт магнитологии. Но Киренский открыл Институт физики. Потому что видел в нем зародыш большой академической науки в Красноярске. Так и получилось. В Институте физики создали лабораторию биофизики, И. А. Терсков сразу стал ее заведующим, я — сотрудником. Мы были очень молоды... Помню, прихожу в кадры, а меня спрашивают: «Вы на какую должность?» — «Старшего». — «Лаборанта?» — «Нет, старшего научного сотрудника».

Наша с Терсковым лаборатория в мединституте располагалась в одной комнатке. Один препарат и несколько кроликов — все, что мы имели. На этом оба сделали диссертации. Все руки были исколоты, нам постоянно была нужна эталонная кровь здорового человека. А где она ближе всего? Себя уколол — и есть образец. Нам потом говорили коллеги, что наши диссертации добыты потом и кровью.

Так было до 1955 года. И мы не представляли, что можно работать как-то по-другому.

Были хрущевские годы «временных затруднений». В том числе и с хлебом. Очередь за ним приходилось занимать до рассвета и ждать открытия магазина. И вот стоим мы в такой очереди с Киренским...

— В голове не укладывается: известный ученый края стоит в очереди за хлебом.

— Мы жили, как и вся страна. И тут, прямо в очереди, он мне начинает рассказывать о перспективах развития в Красноярске большой академической науки, открывает такие сияющие горизонты! Зима, холод, стоим, мерзнем... Мне трудно было поверить в то, о чем он говорил. Окружающая обстановка не располагала.

Но Киренский оказался прав. Настало время, когда на нем с Терсковым сказал: «Открывается Институт физики, будем делать в нем лабораторию биофизики. Напишите, что вам надо». Запросы наши оказались скромными. Мы написали, что нам бы еще одну комнату, лаборанта и десятка два кроликов. Он нас высмеял. Мол, слышите мелкое. Идите и делайте лабораторию настоящего масштаба. Ну, тогда мы развернулись. И все, что попросили, нам дали. Причем очень быстро. Освободили особняк на улице Маркса, 42. Там раньше был банк, в подвалах золото хранили. Поэтому стены были очень толстые, как раз то, что надо физикам, чтобы не было вибраций. Постепенно освобождали и верхние помещения, этаж за этажом.

Важно, что Киренский не ограничивался одним только «своим» магнетизмом, а сразу предусмотрел три лаборатории: магнетизма, биофизики и спектроскопии, последнюю возглавил профессор Коршунов, приехавший из Ленинграда в Лесотехнический институт. Потом, шаг за шагом, Леонид Васильевич открывал здесь лабораторию химии, которая впоследствии стала институтом, теоретический отдел, в кото-

рый набрал математиков, это сейчас тоже институт.

Университет в Красноярске — тоже заслуга Киренского. Причем местные власти поддерживали его создание, но в Москве говорили: зачем он вам? Есть в Томске университет, в Иркутске... Зачем еще и в Красноярске? Если вы очень уж хотите, можно в Кызыле сделать филиал. Но Леонид Васильевич все равно пробивал это дело...

Был такой римский сенатор, Катон Старший, который все свои речи начинал и кончал фразой: «Карфаген должен быть разрушен!» Так вот, Леонид Васильевич потребовал, чтоб мы везде — в статьях, выступлениях — говорили: «В Красноярске должен быть открыт университет». И когда Киренский добился, наконец, его открытия, он прислал нам телеграмму: «Карфаген будет».

Я называю Киренского Ломоносовым Красноярского края. Жаль, что на табличках с названием улицы, носящей его имя, нет слова «академик». Ведь многие красноярцы, увы, не знают, что это за Киренский такой, даже путают с Керенским.

Он был убежден, что в центре Сибири, с малой населенностью, развиваться можно не числом, а только умением. Должна быть выстроена такая цепочка: фундаментальная наука открывает, прикладная — использует, а дальше промышленность тиражирует. К сожалению, сейчас эта цепочка разрушена. И вообще прикладная наука в стране практически исчезла, а с фундаментальной произошла настоящая трагедия.

— Вы имеете в виду последние реформы Академии наук?

— Да. Принятый Государственной думой в недопустимой спешке закон отделил Академию от академических и научно-исследовательских институтов. Получилось, что Академия — это одни теоретики. Но им ведь нужны институты. А всеми экспериментальными институтами должно теперь руководить Федеральное агентство научных организаций. Огромное, тысяча сотрудников... Слава богу, что назначили руководителем этой структуры разумного красноярского парня Михаила Котюкова, он выпускник нашего университета. И он старается не доводить науку до самых разрушительных последствий. Хорошо, что президент страны осознал всю пагубность таких «преобразований» и наложил мораторий на год на закон о реформе РАН. Дал время разобраться, чтобы последствия не были столь драматичными.

Но сама идея, что фундаментальной наукой можно управлять из чиновничьих кабинетов, губительна, порочна. Потому что задача настоящей науки — познание. Здесь каждый шаг проходит по границе известного с неизвестным. Только профессионал, который работает на этой границе, понимает, что сделано и что надо делать дальше. Не чиновник! Не потому, что он тупица или безграмотный, а просто это не его область...

Впрочем, это у нас в России идет со времен Ломоносова. Когда была создана Российская академия наук, над ней сразу появились бюрократы. И очень ученому мешали. Даже выгнать хотели из Академии. И тогда Ломоносов сказал знаменитые слова: «Невозможно меня отставить от науки, разве токмо что науку от меня».

Но я все равно надеюсь, что фундаментальная наука не погибнет, выживет. И вернется к нормальному существованию. Потому что опыт показывает — все попытки управлять наукой извне, даже при самых добрых пожеланиях, кончались крахом.

(Окончание на стр. 10)